

Колючий Путь

*Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!*

К. Бальмонт

*«Реальность существует независимо от вас.
До тех пор, пока вы с этим согласны.»*

В. Зеланд

Первая глава

Словно нырнул в горный ручей. Текучая, прозрачная, лёгкая и холодная пелена отгородила от мира. Звуки стали ниже, исказились, изменились до неузнаваемости. Фоновый шум центральной станции метро превратился в отдалённый гул. Сквозь него прорывались иногда яркие и громкие.

- Картошку купи, и майонез не забудь... – пропищали из-за правого плеча.
- Да, милый, люблю, целую... – известили сверху.
- Ваши документы... – густым басом прогудели снизу.

Привычный жёлтый свет хрустальных люстр ломался о струящуюся пелену как о злую призму. Невесть откуда взявшиеся белые лучи запрыгали от стены к стене, тени под лавками сгустились, цвета поплыли как на непросохшей акварели.

Дикобраз особо не удивился, как не удивляется форель, идущая сквозь встречный поток. Какая разница, какого цвета рыбаки и почему плохо слышно приближающуюся грозу?

На платформе станции метро «Арбатская» все спешили, толкались и переругивались. Бурный мутный людской водоворот не собирался униматься даже в субботу вечером. Смуглый парень доказывал остановившим его полицейским, что паспорт у него есть, но дома, парочка у стены самозабвенно целовалась, попрошайка, косящий под ветерана войны, воспользовался занятостью патруля и перебежал из одного вагона в другой.

«Где-то далеко идут поезда, самолёты сбиваются с пути» – Дикобраз застыл как вкопанный, уставившись прямо перед собой. Сквозь ледяную воду, милосердно изменившую свет и звук, он разглядел мысль, крутившуюся в сознании мелкой рыбёшкой уже многие дни. Речная хищница – форель – увидела добычу и бросилась вдогонку. Мысль была проще гальки и такой очевидной, что казалось странным, что ничего подобного до сих пор ни разу не приходило в голову.

К своим двадцати восьми годам Дикобраз достиг потолка. Неаккуратно побелённого, облупившегося, с грязными потёками.

Работа в одном из московских конструкторских бюро давно обрыдла. Он устроился туда сразу после ВУЗа исключительно ради отсрочки от армии, и теперь пожинал плоды. Утро, начинающееся с вытаскивания себя из постели за волосы, поездка в час пик на другой конец столицы, бесконечный рабочий день, заполненный рутиной, обратный путь сквозь

тягучие, забитые усталой толпой, пересадки кольцевой линии, вечер за компьютерными играми и пиво по пятницам.

На работе он так ни с кем и не сошёлся. Огромное здание КБ словно кит воду с планктоном каждое утро втягивало в себя вереницу людей сквозь единственную «крутилку» на проходной и в конце рабочего дня выплёвывало недожёванный народ обратно.

Днём все сидели по отделам и время от времени выбегали курить мелкими группками. Местная курилка не проветривалась, вентиляция справлялась плохо, и оттого там постоянно висел застоявшийся кислый запах дешёвого табака. Дикобраз брезговал этим въедающимся в одежду запахом, как брезговал он и редкими корпоративами с обязательной идеологической частью в духе брежневского СССР. Дикобраза не оставляло ощущение, что корпоративы эти исподволь пропитывали душу какой-то ползучей мерзостью также, как «аромат» курилки одежду.

Даже получив повышение по службе, Дикобраз не радовался: в его существовании не поменялось ровным счётом ничего.

Только стала чаще сниться яма муравьиного льва. Почти каждую ночь он отчаянно карабкался по осыпающимся стенкам, и каждую ночь соскальзывал всё ниже.

На дне ждали вовсе не хищные жвала. На дне не было ничего, кроме грязно-белой поверхности с потёками. Если оттолкнуться от неё и, изо всех сил загребая ногами и руками, ползть вверх, можно было стукнуться головой о точно такой же потолок. Поэтому Дикобраз всё чаще оставался сидеть там на дне, обхватив руками колени.

Где-то далеко идут поезда... Дикобраз вдохнул, выдохнул и вынырнул на поверхность, привычным движением указательного пальца поправил очки, вернул наушники-затычки на полагающиеся им места и двинулся вперёд, к лестнице перехода на «Боровицкую», автоматически лавируя во встречном людском потоке.

Мысль не давала покоя. Всё так просто и очевидно! Нет никакого смысла мучиться и рефлексировать, это прошлый век. Всё гораздо проще, как в игре: не понравились начальные условия, не беда, перезагрузимся. Жаль только, что методы перезагрузки все довольно грязные, неприятные и требуют большого количества усилий.

Полицейские отпустили смуглого юношу и продолжили своё дефиле по платформе. Их взгляды скользили по толпе, выискивая потенциальные угрозы и источники заработка. Дикобраза служители закона игнорировали.

Можно купить пистолет. Но тут надо разбираться в оружии, а то всучат какую-нибудь дрянь, которую в руке разорвёт. Ходи потом как дурак – живой, но без пальцев.

Перед тремя лестницами перехода броуновское движение толпы приобрело если не смысл, то направление. Дикобраз пристроился за курткой с изображением сложного узора, посреди которого странная рожа дразнилась длиннющим языком. С кончика языка слюна капала на надпись «С уа 12-21-12 Quetzalcoat!».

Все ждут конец света. С нетерпением. Идиоты.

Или вот можно таблеток наглотаться. Знать бы только каких. Или вены в ванне вскрыть. Хотя нет, это подростковый эпатаж – несолидно. Вот я какой, никто меня не понимает, держите меня семеро, а то помру, а вы плакать будете. Тьфу. Тупость совершенная, не надо меня понимать и удерживать, мне всё с собой понятно.

Медленный – один шаг в минуту – подъём закончился. Теперь надо дотоптать до эскалаторов по облицованному серым мрамором коридору. Главное не попасть на стык двух толп. Той, что идёт в нужном направлении и той – что в обратном. Затопчут.

Дикобраз сунул руки в карманы и вперился в Кетцалькоатля. Ишь, харя. Как такой язык во рту у него помещается? Впрочем, Великому Змею пофиг, он нарисованный, а тут опять один эскалатор закрыт, а на остальные – как всегда.

На «Боровицкой» Дикобраз остановился у самого края платформы и задумался. Под поезд броситься? Тоже не то: глупая смерть, да ещё и грязная. А если машинист успеет затормозить, тогда что? Объясняй потом психиатрам, зачем ты это сделал. На работу наверняка бумажку накачают, придётся ещё и с первым отделом – или кем там – говорить. Нафиг это надо.

Со своей девушкой Дикобраз познакомился в институте. Учился он плохо, пропускал лекции и часто ходил за допусками к зачётам и экзаменам. В деканате он подрабатывала Вера, студентка вечернего отделения. Особенной красотой она не отличалась, зато любила футбол и компьютерные игры. Дикобраз решил, что влюбился и начал осыпать Веру розами и конфетами. Три года они так и «встречались». Ходили вместе в кино или в бар по выходным, перекидывались смсками по будням. И всё. Вера всем знакомым твердила, что они не пара. Дикобразу было больно, он отчаянно цеплялся за образ, который сам себе когда-то нарисовал; отлично понимал это, но продолжал отчаянно карабкаться по осыпающимся стенам.

Дважды он уходил от Веры, пафосно объявляя об этом по смс, но всякий раз возвращался, потому что без неё было пусто и тоскливо.

Вера ко всем этим экзерсисам относилась спокойно: есть Дикобраз рядом – хорошо, нет – ну и хрен с ним.

Муравьиная воронка в снах становилась всё глубже, а её стены всё отвеснее.

Подъехавший поезд отворил двери. Привычный филиал адского цирка повалил наружу. Под мрачными тёмно-красными сводами фантазмагория казалась особенно полной. Подвыпившие потёртые мужики. Облитые двумя ведрами одеколona женщины. Галдящие дети с шариками на пластмассовых ножках и огромными комьями сладкой ваты в руках. Красный как рак велосипедист плотно прижимал к себе железного коня, стараясь не потерять его в беспощадном людвороте, втягивающем граждан от дальних дверей и выплёвывающим их с ускорением на платформу.

Дикобраз подождал, пока вся эта катавасия не выплеснется на перрон, увернулся от бабки, катившей скрипучую тележку с огромной клеёнчатой сумкой, и вошёл в вагон.

Пятачок перед межвагонными дверями был пуст. Всё угловое сиденье занимала грязная куча тряпья, воняющая как привокзальный сортир, в котором несколько дней подряд шла большая пьянка. Если приглядеться, в куче можно было разглядеть некое подобие человеческих черт. Вон там грязная вязаная шапка, а вон то огромный лишай на полщеки. В сторону дверей из кучи торчали заскорузлые, в тёмных пятнах, сальные штаны невнятного цвета. Продолжались они опорками из тряпья и полиэтилена.

Из-под кучи натекла большая тёмная лужа. В луже валялась банка из-под селёдки и окурков. Рядом весело перезвякивались недопитая бутылка газировки и аптечного вида пузырёк с красными ягодами на этикетке.

Народ брезгливо морщил носы и старался протиснуться в другой конец вагона. Кое-кто демонстративно прижимал платки к лицу. От застоявшейся вони резало глаза.

Дикобраз сел напротив кучи. Нет худа без добра. В кои-то веки можно почувствовать себя королём метро, вольготно развалившись на персональной лавке. Такой кайф можно

словить только в ночных поездах, да и то не на всех ветках. А тут такой подарок! Куда-то проталкиваться смысла нет: даже если пробьёшься, вонь достанет и там, а любой заразе, умеющей распространяться воздушно-капельным путём не проблема пролететь лишние пару метров. Так что будем наслаждаться. Запах не ахти, но нюхали и похуже. Дикобраз засунул руки поглубже в карманы, спрятал нос в воротник, облокотился о поручень (на который не облокачивалась ничья жопа, спасибо куче за нашу счастливую поездку) и сделал музыку погромче. Рекламки на противоположной стене обещали баснословно дешёвые кредиты, манили непристойно низкими ценами на недвижимость, сообщали о местонахождении ближайших салонов элитных иномарок. Куча пошевелилась, из её недр на пол мягко плюхнулся целлофановый пакет с чем-то вязким и мягким.

Похоже, вонь добралась и до проводки. В вагоне царила полутьма, лампа над головой Дикобраза часто моргала, жалуясь морзянкой на свою тяжёлую судьбу. Раз темнота – друг молодёжи, значит полутьма – подруга всех людей около тридцати. Полумолодёжи с псевдожизнью, недомозгом, как-бы-целями.

Куча на противоположном сидении время от времени меняла конфигурацию, выдавая в окружающее пространство новую порцию неповторимого амбре. Морзянка становилась то ярче, то тусклее.

Дикобраз застегнул молнии на рукавах косухи. За окном стены тоннеля, тёмные, все в проводах, иногда прерывались провалами технических лазов. Что там, в этих норах? Гигантские крысы, призраки, Ариадна с её нитью? Он прикрыл глаза.

С детства его любимыми головоломками были те, где надо было на картинке найти выход из лабиринта. Если потеряешься, всегда можно вернуться назад, и карандаш скользит по нарисованным коридорам как по кафелю...

Вторая глава

...Совсем другое дело, когда твои босые ноги вместо приятной гладкости плитки вдруг начинают ощущать острые камни. Один из них, самый мелкий и противный, немедленно впивается между пальцев правой ноги.

Шаг, другой, третий. Не останавливаться. Держать ритм. На ходу вытряхнуть камешек прямо на ходу, пусть скачет. Эхо шагов прыгает и кувыркается словно щенок, возвращается и снова убегает вперёд. Слух, ритм и воля ведут вперёд сквозь темноту. К высшему предназначению.

Свет и любое магическое зрение здесь – это соблазн, воспользуйся ими и пропадёшь в бесконечном зеркальном лабиринте. Претендент должен уметь различать дорогу глазами души. Тому, кто не в состоянии следовать за своим духом, здесь не место.

Всю свою жизнь я готовился к этому походу, ждал и надеялся, что однажды мне выпадет шанс пройти этот путь. И вот я здесь. Готов ко всему, ни одно чудовище, известное или неизвестное не сможет остановить меня, ни одному, даже самому хитрому, духу не удастся заморочить меня, ни один демон девяти миров, не сможет соблазнить и сбить с пути. Я иду.

Коридор плавно поворачивает влево и вниз. Вокруг тишина. Эхо вязнет в неподвижном воздухе как муха в меду. Слух больше не помощник.

Под босыми ступнями оказывается то неровный каменный пол, то гладкий мрамор, то обычная трава. Постепенно даже эти последние ощущения пропадают. Я таю, растворяюсь в

тишине и темноте. Демоны и духи – ерунда, умение остаться собой, пройти по краю, вот что требуется от настоящего мага.

Я не знаю, сколько я иду, и туда ли иду, иду ли вообще...

Полгода назад однообразное бытие нашей уединённой общины было нарушено самым неожиданным образом. Однажды утром с телепортационного круга, со времени последнего использования успевшего почти полностью скрыться под песком, в оазис шагнул Глашатай Внутреннего круга. Сбросив на руки младшим ученикам роскошную шубу, он недовольно прищурился на всходящее светило и приказал собрать всех. Уже через несколько минут братия молча кивала бритыми головами в такт архаичному, тяжеловесному гекзаметру особого указа.

Славу, Богиня, воспой Императору Вечных!

Слышат Его пусть и травы и доли...

Длинный белоснежный свиток разматывался под чеканную речь Глашатая. Оба Архонта, старших в общине, многозначительно поглядывали в мою сторону.

Хвостики массивных сургучных печатей мели песок, когда суть Указа только-только начала доходить до меня. Даже декламируя давно заготовленный стихотворный ответ о готовности принять волю Высших, я не до конца верил своему счастью. Получилось!

Указ освобождал меня от всех званий и позволял отправиться в добровольное отшельничество.

Никаких больше инспекций порталов и храмов. Я не большой любитель путешествовать, но этих поездок мне будет не хватать. Во-первых, многие отдалённые уголки Империи очень живописны, а во-вторых, никогда не знаешь, что обнаружится на месте.

Каждый раз что-то новое. Заумные схемы казнокрадства начальников и невероятная изворотливость рядовых работников в вопросах употребления спиртного на рабочем месте это только полбеды. А вот когда полуграмотные местные начинают магическую работу, начинается настоящий караул. Казалось бы, ну что сложного в том, чтобы через трафарет нанести элементарные символы на заранее помеченные места? Любой же идиот справится! Не любой. И не справится. Трафареты обязательно перепутают, а метки пропустят, и это в лучшем случае.

К примеру, чернорабочие из варварских племён обожают рисовать всякую чушь где попало. Как-то раз один идиот намалевал мужской половой орган прямо поверх отпирающего символа на почти достроенном портале. В результате вместо обычного прохода из одного имперского города в другой начал формироваться переход в измерение инкубов. Ещё чуть-чуть и население целого города стало бы игрушкой и едой для адских созданий. Искать виновника было некогда. Принесли гекатомбу из всех рабочих, кого смогли поймать. Судя по тому, что портал закрылся, автор художеств скрыться из рабочего лагеря не смог или не успел.

Освободили меня и от регулярных назначений в войска. Там только два состояния: или тебе скучно, или ты помираешь от скуки. И никакие пейзажи не спасают.

В походе задачи не сложнее, чем на третьем году ученичества: лишить силы вражеского шамана, найти чужие войска, ветром отбросить стрелы супостатов, на расстоянии подслушать планы противника (обычно что-то вроде «пойдём вперёд и всех убьём») затянуть раны. Хочешь поливать варваров огнём и молниями? Согласно имперскому уложению 44980 – только в случае крайней необходимости. Имперскими магами не разбрасываются. Для

молний полигон есть, а в походе сиди скучай в полевом госпитале, на случай если у кого из солдат защитный амулет откажет.

В гарнизоне вообще хоть на стенку лезь: переломы, расстройства кишечника и заболевания мочеполовой системы. Иногда любовный отворот или приворот для офицерских жён. Гадания – для них же. К концу второго-третьего года командировки «гадать» уже можно с закрытыми глазами и без помощи инструментов: гарнизонные городки маленькие, все и так всё друг о друге знают, пересказывай себе сплетни аккуратненько, и всех делов. Наставник говорит, такие командировки – отличная практика самоконтроля и дисциплины, потому что не спиться от скуки в таком режиме очень трудно.

Теперь всё это позади.

Эхо слов Глашатая угасло, и среди белоснежных колонн внутреннего двора Обители стало тихо. Я молча поклонился Наставнику и Архонтам, развернулся и покинул оазис, так долго бывший моим домом. Передо мной лежал старый горный хребет, уже многие века постепенно растающий в пустыню. Древние горы помнили зарождение Империи, времена, когда неистовые маги перекраивали лицо мира, приводя к покорности стихии и варварские племена.

Много дней я провёл в одинокой пещере. Солнце поднималось из-за красных барханов вставало и садилось в алый песок, ветер осторожно крался среди багряных скал, редкие прожилки кварца змеились по карминным стенам моего обиталища.

Строгой аскезой и чистотой намерения привлёк внимание богов. Я был рассмотрен, взвешен и оценён. То был день великой радости: я получил право пройти по храмовому Лабиринту.

Это право получает далеко не каждый. Большинство жрецов родились, умерли, снова родились и снова умерли, так и не дождавшись Глашатая. Из призванных строгий многомесячный пост выдерживают почти все, но выстоять под взглядом Высших сил могут лишь единицы. Остальные сходят с ума и кончают с собой здесь же, среди багровых скал.

Возможность стать высшим магом – и награда, и проклятие. Высшие выпадают из Великого Колеса жизни. Им открыты самые глубокие тайны мироздания, они – те, на ком стоит Империя, они могут жить вечно, но... они всегда уходят. Исчезают. Почему, зачем, смогут, захотят ли вернуться? Неизвестно. Тот, кто зачерпнул из чаши высшей мудрости, перестаёт быть человеком.

По возвращении ночь в Обители я посвятил глубокой медитации. Следующим утром, затемно, когда дыхание южного ветра ещё не коснулось песка, я покинул свою келью. После краткого ритуала очищения, ученики облачили меня в рясу из дерюги, завязали глаза и накинули капюшон. Потом меня передали старшим жрецам. Они отвели меня в подвал храма, поставили на плиточную дорожку в колоннаде и отступили в сторону.

Мы больше не увидимся: чем бы ни закончилось испытание, прежний я прекратил своё существование. Всё, что у меня осталось – чётки. Пальцы привычно перекидывают бусины.

Шаг, другой, третий. Мелкие камни сменяют плитку. Колоннада кончилась. Главное держать ритм шагов, не сбиваться и не останавливаться. В Испытании важна каждая мелочь. Путь долго вёл влево и вниз. Виток за витком. Иногда снизу доносился шум воды, иногда ступни обжигал огонь. Я шёл и шёл вперёд. Осязание и слух вели меня.

Наконец дорога кончилась, и вот я стою здесь. Безгласый, глухой и слепой, неспособный ощутить даже собственные ступни. Темнота и тишина поглощают меня, но останавливаться нельзя. Остановка или заминка будут означать неминуемую смерть, может быть физическую, а может быть ментальную или духовную. Воспоминания возникают перед

внутренним взором, лица друзей и родственников просят, требуют остановиться, повернуть назад, хотя бы остановиться и задуматься, куда я иду. Но мне нечем думать, как нечем идти, эти лица не властны надо мной, потому что я – это дух, чистое стремление, бестелесный и бездумный, ведомый лишь собственным стремлением.

Вдалеке мерцает огонёк. Это – моя цель, моё скрытое Я, вход в истинный Лабиринт. Волна страха поднимается из глубин сознания, поднимая со дна души мутную взвесь первобытных эмоций. Ночным волком подкрадывается паника. Что я делаю?! Назад, быстрее, надо это всё прекратить пока не поздно!

Далеко внизу протяжно кричит птица. Вторая отвечает ей сверху. Вернувшееся эхо вновь мечется от стены к стене. Я беру себя в руки, шаг за шагом восстанавливаю контроль и трансформирую страх в силу. Эхо пытается отвлечь, дезориентировать, сбить с толку. Но сбивать уже некого и не с чего. Огонёк всё ярче и ближе.

Глаза распахиваются. Здесь, посреди огромной пещеры похожей на тронный зал, на каменном возвышении ярким бело-голубым пламенем полыхают два огромных сталактита. Врата – меж ними.

Мне больше не нужно тело. Я шагаю вперёд. За спиной шорох – ряса оседает на пол.

Сознание тоже не нужно. Оно гаснет как лампада, в которой кончилось масло.

Больше нет никакого Я.

Есть чёрная точка в бесконечной белизне.

Лабиринт. Он прост и ясен, он сияет и радуется, зовёт нетерпеливо.

Вперёд!

Первый виток. Точка – я? Я – точка?

Второй виток. Я – точка – расту, вижу и познаю, чувствую границу, то, где кончаюсь Я и начинается Белизна. Я – круг.

Третий виток. Я – круг – осознаю ближнее и дальнее, явное и скрытое. Понимаю и пробую, тащу себя во все направления. Я – шар.

Центр. Я – шар – наполняюсь Светом, сливаюсь с ним, наполняюсь Белизной.

Крылья (у меня есть крылья?) трепещут. Поднимают меня (кого – меня?) обнажённого, ничего не понимающего, вверх, вверх, вверх, по узкому солнечному лучу...

...На вершине меня ждут. На тесной, продуваемой всеми ветрами площадке дежурят младшие ученики. Один из них бросается разжигать сигнальный костёр, а другой подсакивает ко мне и накидывает на плечи плащ. Я благодарно киваю. У Света нет потребности в одежде, но традиции есть традиции.

Ритуал совершён, пора отправляться. Делаю шаг с обрыва, с наслаждением ловлю крыльями восходящий поток. Испытание позади, прежний я позади, прежний мир позади.

Впереди только Путь.

Третья глава

Дикобраз вздрогнул и захлопал полусонными глазами. Опять задрях в метро. Да что за твою мать, сколько раз зарекался! Что ни сон, то хрен пойми что. А потом ещё хуже, чем с похмелья. Словно муравьи под черепом и видно всякое. Что-то пропадает, что-то появляется, свет опять же разноцветный. Брррр.

И вот опять. На пару минут глаза прикрыл, и нате. «Расскажу Вере, посмеёмся» – мелькнула неуверенная мысль. Мелькнула и тут же пропала. Внутреннее чутьё настойчиво

твердило, что об этом сне рассказывать никому нельзя. Почему? А похер, один хрен скоро помирать. Надо только решить, как.

Женский голос объявил остановку Дикобраза. Он помотал головой и встал. Вонючая куча на противоположном сиденьи пошевелилась и бормотнула что-то матерное. Дикобраз криво улыбнулся, вышел из поезда и двинулся к эскалатору.

Может, прыгнуть из окна? А что, вариант. Этаж подходящий. И помешать никто не сможет. Решено. Надо только придумать текст предсмертной записки. Или посмертной? Записку-то прочтут уже потом. Но с другой стороны, писать-то её при жизни надо. Делает. И что писать? «В моей смерти прошу винить Веру Ф.»? Тупо, да и вдруг у Веры проблемы какие-то будут, нехорошо.

Город кутался в жёлто-рыжий плащ, пахнувший дымом и влажной листвой. Чистая бутафория: скоро плащ разъедется под затяжными холодными дождями, и окажется, что под ним только голые чёрные ветви и холодные лужи. Загадочно шуршащий под ногами ковёр из листвы тоже обманка, его побуревшие остатки разнесёт предзимний ветер. Он же притащит низкие серые тучи, задёрнет ими как тяжёлыми шторами осеннюю синеву и редкие строчки перистых облаков на ней.

Дикобраз шагал меж панельных пятиэтажек, почти не глядя по сторонам. Недавнее видение никак не желало переходить в разряд полузабытых снов. Меж пальцев ног снова оказывались мелкие камушки, нестерпимо хотелось снять берцы и вытряхнуть их. А ещё хотелось взлететь. Помогало только тщательное изучение трещин на асфальте.

Район был незнакомый, и поэтому Дикобраз немного удивился, когда обнаружил себя перед лестницей, ведущей в полуподвальный бар. Вроде, пришёл. Изнутри доносились приглушённые барабаны. Точно – пришёл.

Дикобраз выудил из кармана джинсов чёрный кирпичик телефона и нажал кнопку с решёткой. Небольшой экран чуда японской техники засветился. Похоже, времени ещё вагон. Молодой человек прикурил и с наслаждением затянулся смесью табака и терпкого осеннего воздуха. Дым привычно продрал горло и лёгкие, немного прочистил мозги. Закатные лучи осеннего солнца как сквозь аквариумную воду проходили через кленовую листву. Думать о записке не хотелось, в голову лезли вариации шуток про хомячка, лошадь и каплю никотина.

Сигарета кончилась, больше причин оставаться снаружи не было. Насладившись последними моментами тишины, Дикобраз принялся спускаться навстречу гулкому буханью.

Сводчатый потолок просторного зала подпирали массивные кирпичные столбы. Грубо сколоченные массивные скамьи и столы тёмного дерева занимали почти всё пространство. В дальнем углу слева расположилась стойка бара из светлого пластика. У правой стены на невысокой сцене шла обычная предконцертная кутерьма: не в лад брэнчали гитары, иногда постукивал барабан, время от времени микрофон выдавал сакраментальное «раз-раз».

Народу в зале было много. Между столбами сквозняком гулял гул голосов, а под потолком висело сизое облако сигаретного дыма.

Сегодня выступала «Нафаня» – группа Кота, институтского друга Дикобраза. Не то чтобы Дикобразу очень нравилась их музыка, но вход был бесплатный, а сидеть дома надоело. К тому же хотелось выпить.

Дикобраз подошёл к стойке, взял бокал ирландского эля, пепельницу и присел за стол. Место он выбрал так, чтобы один из столбов заслонял его от сцены и большей части публики. Общения хотелось только с бокалом-другим пенного напитка. А все эти слоняющиеся по залу знакомые и полужнакомые личности вполне в состоянии составить компанию друг другу.

Дикобраз пододвинул к себе пепельницу и полез за сигаретами и зажигалкой. Пачка обнаружилась легко, а огниво нашлось не сразу и почему-то вовсе не в том кармане, где должно было находиться по логике вещей. Чиркнув, наконец, зажигалкой Дикобраз вдруг понял, что за столом он не один.

Напротив сидела девушка. Красивая. На вид лет двадцати пяти, впрочем, Дикобразу никогда не удавалось определять женский возраст. Очень стройная, почти худая, с внимательными фиолетовыми глазами. Линзы что ли? Она спокойно изучала своего визави, ритмично постукивая по столу одной из дикобразовских сигарет. Короткая светло-русовая стрижка и красная спортивная мотоциклетная куртка – вовсе не та мода, которой следовала большая часть собравшейся публики. Обычно знакомые Кота предпочитали косухи, длинные волосы и футболки с названиями рок-групп.

Дикобраз поднёс незнакомке огонёк. Она изящно изогнула лебединую шею, прикурила, от души затянулась, медленно откинулась назад, демонстрируя точёные формы в недрах кожаного доспеха, выдохнула в потолок и ткнула сигаретой в пепельницу.

– Привет, я Кицунэ, – сказала она.

Четвёртая глава

Сквозь дым и бормотание успевших слегка набраться зрителей, мимо барной стойки, вдоль кирпичных стен и грубых столов. Сквозь последние лучи солнца уходящего дня, с трудом продиравшиеся сквозь маленькие полукруглые окошки под самым потолком, кружила она по залу. Табачный дым пробирался в волосы и норовил забраться в лёгкие. Какая гадость! Дав себе слово отучить Кота от этой дряни, Кицунэ тщательно изучила свежеприбывшую компанию. Три парня и две девушки. Один из парней – слабенький оборотень, такие умеют только видеть странные сны в полнолуние. Бесполезен, как и все его друзья. Принимая предложение Кота, Кицунэ рассчитывала, что на концерте удастся найти хоть кого-то подходящего. Не тут-то было. Вот уже час, как она здесь, скоро начнётся концерт, и публика собралась, а сносных кандидатов – полтора землекопа.

Кицунэ снова оказалась около сцены, где Кот в очередной раз её с кем-то познакомил. Имени она не запомнила: снова пустышка, хомячок. Похоже, вечер так и останется томным. Досадливо фыркнув, она опустилась на одну из свободных лавок. Придётся немного поскучать.

Стоп, а это что? Где-то под землёй, километрах в пяти на юг произошёл серьёзный выплеск Силы. Вспышка тут же ослабла, но не затухла полностью, а продолжила движение. Значит, кто-то живой, а не природный всплеск. Да ещё и движется сюда. Само собой, мимо он не пройдёт – таких совпадений не бывает. Значит, надо просто немного подождать. Кицунэ развернулась спиной к столу и облокотилась на него. Ну где же ты, где?

Минут через пятнадцать в зал вошёл полноватый невысокий очкарик в косухе. Кицунэ принялась осторожно изучать нового гостя. И ничего не поняла. Защит нет, а тень крыльев есть. Аура сильная, но меняет цвета и теряет мощность. Маскирующих заклятий не чувствуется, а ощущение, словно на парня кто-то очень серьёзный личину повесил. Любопытный экземпляр. Очень любопытный.

Очкарик огляделся, взял на стойке пива и сел за стол. Да как грамотно сел: с его позиции просматривались все входы-выходы, а столб сбоку не только не мешал, но и в случае чего послужил бы неплохим прикрытием.

Похоже, тускнеющая аура – это мимикрия. Встретил человек кого-то в метро – там кто только не шастает – и был вынужден устранять угрозу, потому и всплеск такой яркий был. А теперь аккуратно восстанавливает маскировку. Странно, что обратно защиту не поставил, но тут всякое бывает, может она маскировке мешает. Такой опытный союзник будет очень полезен. Это же настоящий подарок! Спасибо, Котик!

Кицунэ встала, машинально отряхнула обтягивающие джинсы и направилась к столику незнакомца. Разбираться с делами она любила сразу же, не откладывая в долгий ящик.

– Привет, я Кицунэ.

Дикобраз заморгал. Так с ним ещё никто никогда не знакомился, тем более красивые девушки.

Шум зала стыдливо убавил громкость, каждое негромкое её слово было слышно очень хорошо. За спиной Дикобраза шелестело, и он был уверен, что это крылья. Он смотрел в её глаза, смотрел и смотрел, боялся отвести взгляд, чтобы не пропало это волшебство. Здесь и сейчас они были только вдвоём, в отдельном пространстве, куда не было хода посторонним. Её глаза светились, но не как у кошки, а как – я поднимаюсь по солнечному лучу – как – Дикобраз помотал головой – как Фиолетовые озёра в праздничную ночь второй луны, главный колдовской праздник года....

– Дикобраз, – каркнул Дикобраз.

Он сделал большой глоток из стакана и не почувствовал вкуса.

– Ты как здесь? Смотрю, один сидишь, не говоришь ни с кем, – он понял, что почему-то перестал её интересовать, что их общее пространство куда-то пропало и вот-вот волшебство уйдёт окончательно. Он чувствовал, что срочно надо что-то сделать, вернуть её внимание, убрать в фон это дурацкое бречание.

Концерт начался. Свет приглушили, и со сцены тягуче полились первые аккорды Riders on the storm.

– Зашёл послушать, чего там Кот насочинял, вдруг понравится. – Дикобраз остро почувствовал, что делает что-то катастрофически не то, отвечает максимально тупо и не на тот вопрос, что вот сейчас она встанет и уйдёт, а больше в его жизни никогда не будет ни фиолетовых озёр в летнюю ночь, ни крыльев, будут только бесконечно осыпающиеся стенки муравьиной ямы.

– И как, нравится? – Кицунэ повернула голову к сцене и немного откинулась, чтобы столб не мешал видеть происходящее там.

– Doogs крутые. Джим Моррисон мегашаман. А тебе как? Может, ты пиво будешь? – вопросы вдруг посыпались из него как горох из прохудившегося мешка. Лишь бы она задержалась ещё чуть-чуть.

– Нет, не буду. Ладно, свидимся ещё, – она помахала кому-то рукой, поднялась и растворилась в полутьме.

Только миновав три столба, она позволила себе прислониться к четвёртому. Запрокинула голову – ай! Затылок повстречался с точащим кирпичом – и шёпотом выругалась. Это же надо так промазать! Маскировка, пфф! Кицунэ аккуратно стукнула стену. Чувак вообще ничего не знает и не умеет. Потенциал неплохой, да, но и только! Когда его обучать, если времени осталось с гулькин нос? За год он в лучшем случае сможет научиться приличную защиту ставить. Обидно, досадно, ну ладно. Займёмся Ирис и Товарищем Зет. Они звёзд с неба не хватают, зато им не надо базовые вещи объяснять. Зет – практикующий